

**ПАНДЕМИЯ И СИСТЕМА ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР
КАК ФАКТОР ТРАВМАТИЗАЦИИ
СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ**

- Касьянов Валерий Васильевич** доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории России, Кубанский государственный университет (350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149).
E-mail: culture@kubsu.ru
- Гафиатулина Наталья Халиловна** кандидат социологических наук, доцент, докторант кафедры региональной социологии и моделирования социальных процессов Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160).
E-mail: gafiatulina@yandex.ru
- Вакула Иван Михайлович** доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации (344015, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83)
E-mail: mvarula@gmail.ru

Аннотация

Цель статьи – проанализировать социально-психологическое влияние пандемии и введенных системы ограничительных мер на травматизацию социального здоровья населения. В числе ограничительных мер рассматриваются: самоизоляция; требования к соблюдению санитарно-эпидемиологических правил, повлекшее за собой определенные формы социального расслоения; требования к соблюдению социального дистанцирования; перевод на удаленный режим работы. Авторы приходят к выводу о том, что пандемия нанесла серьезную травму социальному здоровью многих слоев российского населения, усугубляя их неравенство.

Ключевые слова: *социальное здоровье, пандемия, система ограничительных мер, население, травма, самоизоляция, социальное дистанцирование, расслоение, удаленный режим работы.*

Пандемия, вызванная COVID-19, и связанные с ней введенные ограничительные меры, а также алармистский информационный фон с навязчивым повторением негативных событий в совокупности, оказали серьезное влияние на все сферы жизнедеятельности общества и привели к социальным изменениям, несущим преимущественно негативный характер.

Опираясь на теорию социальных изменений, которая была разработана П. Штомпкой, сами социальные изменения несут в себе травму, поскольку идет нарушение среды, которая была привычна для человека. В свете таких изменений трансформируются и ценности человека. Наибольшую озабоченность всех слоев населения вызывают проблемы, сопряженные с ухудшением состояния социального здоровья. Эти проблемы на фоне повышенного информационного давления и возрастания социального напряжения, так или иначе, являются следствием введенных ограничений по предотвращению распространения нового вируса.

Как указывает А.К. Дегтярев, для современного российского социума характерно «возникновение травматогенных идентичностей», отражающихся на социальном здоровье населения, которое проявляется «в негативной идентификации, переходе идентичностей на социальный микроуровень, ограничениях идентификационного притяжения семьей, кругом близких, коллегами по работе» [1, с. 28].

Из-за того, что Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) признала распространение новой коронавирусной инфекции пандемией, были предприняты ограничительные меры, связанные с закрытием границ, запретом транспортного сообщения, требованиями социального дистанцирования, переводу на удаленный режим работы и пр. Причем большой «проблемой становится гуманность принимаемых стратегий» и система ограничительных мер в борьбе с COVID-19 по отношению к населению [2, с. 505] в рамках целостности его системы «человек – окружающий мир».

По совершенно справедливому мнению южно-российских ученых Ю.Г. Волкова и В.И. Курбатова, пандемия изменила «все стороны функционирования каждого государства, каждого социального института, каждого человека» [3, с. 18]. Действительно, пандемии приводят к возникновению социально-психологических стрессоров, изменению поведенческих реакций и травматизации

социального здоровья многих групп населения, даже относительно стабильных и не относящихся к разряду уязвимых.

Семантическое наполнение категории «социальное здоровье» довольно разнообразно и детерминировано междисциплинарными подходами к его научной интерпретации. В силу того, что целью данной публикации является рассмотрение системы ограничительных мер в условиях пандемии как фактора травматизации социального здоровья населения, в качестве методологической базы мы обозначим лишь тот спектр подходов, который будет соответствовать цели нашего исследования.

Так, в рамках данной статьи особый интерес для нас представляют социоцентрированные интерпретации социального здоровья населения, основанные на ценностно-нормативном, социально-адаптивном и функциональном подходах, в рамках которых социальное здоровье – это:

- качество, которое относится к разряду интегративных и включает в себя ценностные ориентации человека и поведения. Здесь отражается социально приемлемое поведение человека и способы его саморегуляции при изменении социальной реальности [4, с. 93];
- жизненная удовлетворенность личности/группы нормами социальных связей и отношений [5];
- факторы социальной среды, которые не позволяют человеку дезадаптироваться и влияют на гармоничное развитие личности [6];
- мера социальной активности, преобразующей деятельность и эффективного функционирования в социуме [7].

Социальное здоровье, согласно комплексному подходу М.В. Мореву, – это основной указатель для «здоровья общественного, поскольку является показателем уровня адаптации личности к социуму» – с одной стороны, и «социума – к существующим условиям и вызовам социальной реальности» – с другой. И такого рода травматогенным вызовом для социального здоровья является новая коронавирусная реальность со всеми вытекающими из нее мерами ограничительного характера в условиях «чрезвычайной ситуации» (ЧС) [8, с. 23].

Само звучание фразы «чрезвычайное положение» или «чрезвычайная ситуация» уже является стресс продуцирующей для общественности, поскольку является крайней мерой, применяемой «для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя Российской Федерации. К обстоятельствам введения чрезвычайного положения относят, в т.ч. и эпидемии, повлекшие человеческие жертвы или ущерб здоровью и окружающей среде» [9, с. 144]. Это действительно «крайняя мера, ограничивающая свободу передвижения граждан по территории страны, усиливающая ответственность за правонарушения» [9, с. 144].

Итак, какая система ограничительных мер была введена?

Во-первых, в т.н. первую волну население было вынуждено прибегнуть к самоизоляции и уединению в своих домовладениях, квартирах и прочих местах проживания. Под самоизоляцией, как вынужденной мерой, понимается социальное явление, когда «происходит отторжение человека или социальной группы от окружающих людей или других групп в результате прекращения или резкого сокращения социальных контактов и отношений» [10]. Самоизоляция привела к появлению новых социальных норм и рисков социокультурной травматизации, к ухудшению социального иммунитета в целом, и социального здоровья, в частности [11].

У населения серьезным социальным стрессором, связанным с введением режима самоизоляции, и отразившимся на его социальном здоровье, послужили следующие факторы: отсутствие социальной поддержки или социальных связей; страх за собственное благополучие и благополучие близких и коллег, которые рискуют заразиться; противоречия, которые возникают при соблюдении установленных нормативными документами порядком и желанием оказать поддержку другим лицам; нарушение здорового образа жизни, в частности, выполнять комплекс физических упражнений, правильно питаться и получать активный отдых; возможность оптимально выполнять свои социальные функции и реализовывать «свой потенциал через социальные связи, социальный статус и роль в решении индивидуальных и общественно значимых задач» [7, с. 75].

Во-вторых, требования к жесткому соблюдению санитарно-эпидемиологических правил, связанных с тотальным ношением лицевых масок, что повлекло за собой новые формы социального расслоения: т.н. COVID-диссидентство и COVID-настороженность.

Среди населения COVID-диссидентов, в свою очередь, также произошло расслоение на два вида: на бытовом (обывательском уровне) – «ничему не верю», «все это пропаганда» и на интеллектуальном (осмысленном уровне) – «это нарушение прав и свобод», «не хотим подчиняться государству», «это произвол» и пр.

Среди COVID-настороженного населения характерно выполнение всех предписаний, соблюдение всех ограничительных мер, наблюдается изменение общечеловеческих ценностей по причине восприятия другого человека как потенциального носителя вируса, представляющего угрозу жизни и здоровью. Так, сформировались разные тренды социального поведения и социального восприятия: подозрительность, раздражительность, агрессия, ненависть по отношению к нарушителям, COVID-диссидентам. Обе формы появившегося расслоения населения, на наш взгляд, являются наглядным образцом травматизации социального здоровья, поскольку такого рода расслоение отразилось на системе ценностных ориентаций в сознании населения, которые дают возможность «выявить специфику проявления социального здоровья в поведении и ценностных ориентациях личности, принадлежащей к данной социальной общности» [4, с. 93].

В-третьих, повсюду введены меры по ограничению свободы передвижения, социальному дистанцированию.

Именно на понятии «социальная дистанция» целесообразно остановиться с тем, чтобы понять ее травматичное смысловое значение для социального здоровья российского населения. Впервые данный термин был введен американским социологом Э. Богардусом в 1925 г., а позже в книге Э.Т. Холла «Молчаливый язык» (1959) было указано, что основой, которая служит для разделения межличностного пространства, является социальная дистанция (от 1,2 м. до 3,6 м.). Данная дистанция предназначена для деловой коммуникации.

В новой коронавирусной реальности термин «социальная дистанция» приобрел несколько иной смысл. В настоящее время под социальной дистанцией подразумевают санитарно-эпидемиологические меры немедикаментозного характера, которые направлены на замедление распространения инфекции. Одной из главных целей социальной дистанции является снижение контактов между людьми, что ведет к снижению вероятности контактов между инфицированными и неинфицированными.

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) предложила практику социального дистанцирования называть термином «физическое дистанцирование», ибо, по мнению представителей ВОЗ, социальное дистанцирование подразумевает чувство оторванности от близких, глубоко травмирует психическое и социальное здоровье; и в сложившихся обстоятельствах крайне важно, чтобы население не чувствовало себя изолированным от общества. Как отметил социальный психолог Джамиль Заки, отсутствие физического контакта и человеческой связи, так или иначе, способно нанести ущерб социальному и психологическому здоровью¹.

Неизбежно увеличившаяся социальная дистанция между людьми, как ограничительная мера, привела к травматизации и социального, и психического здоровья: «общество заполучило своеобразное обсессивно-компульсивное расстройство – теперь все постоянно моют руки». Частые встречи, которые проводились в формате офлайн, переводятся в формат онлайн, «живое общение перестает казаться столь необходимым: раньше нужна была причина для переноса дел в онлайн, теперь нужно объяснять, зачем встречаться лично»².

В-четвертых, то, что человек предположительно имел контакт с кем-то из инфицированных накладывает определенные ярлыки. Например, в ситуации, которая связана с COVID-19 социальная стигматизация и дискриминационное поведение наблюдается по отношению к людям определенного этнического происхождения и национальности, и тех, кто является контактным.

Как подчеркивается в официальном источнике «Охрана труда в условиях пандемии. 2020», люди, которые на рабочем месте не могут избегать социальных контактов, подвержены высокому риску заразиться, из-за чего они выступают в качестве объекта стигматизации. Такие ситуации могут привести к исключению таких людей из различных сообществ³.

Данный факт отражен и в статье С.Е. Туркулец, А.В. Туркулец, Е.В. Листопадовой и М.В. Сокольской «Социальная стигматизация в период пандемии». Авторы отмечают, что если раньше стигматизации подвергалась та часть населения, которая страдала определенными психосоциальными расстройствами, алиментарным ожирением, нетрадиционной ориентацией и прочими явными девиациями, то в период пандемии «стигматизации стали подвергаться даже те, у кого просто

¹ ВОЗ предложила заменить термин «социальное дистанцирование». [Электронный ресурс] https://news.rambler.ru/community/44046310/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

² Посткарантинный мир. [Электронный ресурс] <https://lenta.ru/articles/2021/01/01/coronavirus/>

³ Охрана труда в условиях пандемии. 2020. [Электронный ресурс] <https://docviewer.yandex.ru/view/18275625/>.

обнаруживаются легкие признаки простуды. Что же касается заболевших COVID-19, их близких, соседей, а также врачей, то эти категории людей сегодня нередко оказываются в эпицентре социально-агрессивного поведения окружающих» [12, с. 13], поскольку в заболевших видят главную причину вынужденной самоизоляции и других ограничительных мероприятий [13, 14].

Иными словами, изменился нравственно-нормативный опыт социального взаимодействия в изменившихся условиях среды, что привело к возникновению дезадаптации и нарушению гармоничного развития личности, поскольку каждый человек (вне зависимости от его образования, социального статуса), оказался в ситуации нарушенных социальных отношений с ранее привычным миром. Это все относится к неблагоприятным последствиям и травматизации социального здоровья населения.

В-пятых, перевод на удаленный режим работы, а также отмена массовых мероприятий, а позже (во вторую волну) введенный во многих регионах комендантский час для баров, кафе и ресторанов также в совокупности оказали неблагоприятное влияние на социальное здоровье многих трудоспособных групп населения. По мнению Л.В. Колпиной, люди, которые обладают поддержкой близких и социального окружения, в эмоциональном плане чувствуют себя более благополучными, кроме того, «люди, включенные в разнообразные сети общения, обычно имеют больше причин для активного применения своего интеллектуального потенциала, тем самым развивая его» [7, с. 78]. В то время как население, привыкшее планировать свою жизнь, «выбирать способы взаимодействия с социальным окружением, в один момент оказались в ситуации фрустрированных возможностей» [15, с. 183].

Согласно эмпирическим исследованиям И.О. Логиновой выявлено, что специфика жизни населения в условиях пандемии «конституирует нарушенные отношения человека с миром: возникают затруднения в отношении изменений социальных условий жизни»; «человек не успевает за происходящими внешними изменениями»; «свобода жизненных проявлений находится в угнетенном состоянии», что свидетельствует о дезадаптации и нарушении гармоничного развития личности/группы [15, с. 187].

В целом, пандемия нанесла серьезную травму социальному здоровью многих слоев российского населения, усугубляя их неравенство, в частности:

- молодежи, у которой и без того уязвимое (или маргинальное) положение, неполная занятость, высокий уровень безработицы, отсутствие собственных доходов, неопределенность в выборе будущей профессии, неопределенность жизненного мира молодой семьи [16, 17]. Как подчеркивает И.Э. Соколовская, молодежь теперь самостоятельно вынуждена отбирать достоверные информационные источники, а также «о возможности включения в различные неформальные группы по интересам» [18, с. 49];

- женщин, у которых нагрузка труда возросла, а размер оплаты труда сократился; обязанности по уходу за детьми из-за закрытия школ и садиков возрастают; а также при переводе на удаленный режим работы возникает ролевой конфликт при выполнении и совмещении профессиональных и домашних обязанностей;

- пожилых людей, которых отнесли к группе повышенного риска и полностью перевели на удаленный режим работы и ужесточили требования в рамках ограничительных мер, что повлекло за собой (по оценкам специалистов) явные проблемы на уровне психического и социального здоровья (чувство тревоги и одиночества, страх потерять работу, агрессия, социофобии, суицидальное поведение и пр.) [19, с. 9];

- групп уязвимых работников (мигрантов, самозанятых, сдельщиков), у которых отсутствует доступ к механизмам оплачиваемого отпуска или отпуска по листу временной нетрудоспособности и которые в меньшей мере защищены обычными традиционными механизмами социальной защиты [20].

Невзирая на то, что часть мирового сообщества старается противостоять социокультурной травматизации, связанной с пандемией и системой ограничительных мер, российские и зарубежные ученые полагают, что, по всей вероятности, травматические расстройства социального и психического здоровья населения усугубятся [21, 22].

Таким образом, мировая пандемия COVID-19, сопряженная с быстрым ухудшением эпидемиологической обстановки и травматизацией социального здоровья, являются новыми вызовами для всего общества. Эти вызовы ставят новейшие срочные задачи перед государством для усиления социальной работы в различных сферах жизнедеятельности общества, направленной на минимизацию более углубившихся неравенств и возникших травматических расстройств для социального здоровья населения.

Литература

1. *Дегтярев А.К.* Социокультурная травма в формировании российской идентичности // Гуманитарий Юга России. 2013. №3. С. 26–35.
2. *Яценко О.Ю.* Пандемия как глобальный вызов: социально-экономический и правовой тезаурус // Образование и право. 2020. №4. С. 504–507.
3. *Волков Ю.Г., Курбатов В.И.* Социология пандемии: отечественные и зарубежные сценарии и тренды послекоронавирусного мира // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9 (42). №2. С. 17–32.
4. *Кулиш В.В., Матвеева Н.А.* Социальное измерение здоровья молодежи: проектирование показателей комплексного социологического исследования // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 8. № 6. С. 89–102.
5. *Зобов Р.А., Келасьев В.Н.* Социальное здоровье и социализация человека. СПб., 2005. 166 с.
6. *Троицкая С.И.* Здоровье человека как социокультурный феномен (философско-антропологический аспект): дисс. ... канд. филос. наук. СПб., 2004. 196 с.
7. *Колпина Л.В.* Социальное здоровье: определение и механизмы влияния на общее здоровье: обзор литературы // Синергия. 2017. №2. С. 73–81.
8. *Морев М.В.* Угрозы самодостаточности в контексте российских тенденций социального здоровья // Вестник Тюменского государственного университета. 2019. Т. 5. №2. С. 20–38.
9. *Сыропятова С.Б., Алланина Л.М.* Правовое регулирование национальной безопасности и жизнедеятельности в условиях пандемии // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2020. № 2. Т. 1. С. 139–147.
10. *Николаева Е.Д., Чеджемов Г.А.* Как социальная самоизоляция в условиях пандемии повлияет на состояние общества // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. №4 (44).
11. *Гафиатулина Н.Х., Касьянов В.В., Самыгин С.И.* Социальный иммунитет российского общества в условиях угрозы коронавируса: риски социокультурной травматизации // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. № 2. С. 147–158.
12. *Туркулец С.Е., Туркулец А.В., Листопадова Е.В., Сокольская М.В.* Социальная стигматизация в период пандемии // Социодинамика. 2020. № 5. С. 11–25.
13. *Гафиатулина Н.Х., Касьянов В.В., Самыгин П.С., Самыгин С.И.* Российское общество в условиях самоизоляции. Социальные эффекты и последствия пандемии COVID-19. Монография / Москва, 2020.
14. *Касьянов В.В., Власова В.Н., Гафиатулина Н.Х.* Пандемия как социальная трагедия для российского населения: обострение системы неравенств // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. №1.
15. *Логонова И.О.* Особенности устойчивости жизненного мира людей в период пандемии COVID-19 // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2020. №2 (52). С. 183–196.
16. *Сердюченко Я.В.* Жизненный мир молодой семьи: особенности формирования и риски разрушения (на материалах Ростовской области). Автореф. дисс... канд. соц. наук. Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону, 2018. 38 с.
17. *Вакула И.М., Загутин Д.С.* Модели девиантного поведения молодежи и его профилактика: социально-правовой аспект // Философия права. 2019. № 1 (88). С. 42–46.
18. *Соколовская И.Э.* Социально-психологические факторы удовлетворенности студентов в условиях цифровизации обучения в период пандемии COVID-19 // Цифровая социология. 2020. Т. 3. № 2. С. 46–54.
19. *Мосолов С.Н.* Проблемы психического здоровья в условиях пандемии COVID-19 // Журнал неврологии и психиатрии. 2020. Т. 120. № 5. С. 7–15.
20. *Вакула И.М., Загутин Д.С.* Современные вызовы социализации молодежи в контексте национальной безопасности. М., 2018.
21. *Horesh D., Brown A.D.* COVID-19 response: Traumatic stress in the age of Covid-19: A call to close critical gaps and adapt to new realities // Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy. 2020. Vol. 12(4). P. 331–335.
22. *Shakhbanova M.M., Kasyanov V.V., et al.* (2019). The role of trust in the formation of ethnic tolerance and social health in the modern Russian society // Revista Inclusiones. 2019. Т. 6. № 2. С. 296–305.

Kasyanov Valery Vasilievich, Doctor of Social Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of chair of history of Russia, Kuban State University (149, Stavropolskaya st., Krasnodar, 350040, Russian Federation). E-mail: culture@kubsu.ru

Gafiatulina Natalya Halilovna, Candidate of Sociological Science, Associate Professor of Chair of Region Sociology and Modeling of Social Processes, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University (160, Pushkin-skaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: gafiatulina@yandex.ru

Vakula Ivan Mikhailovich, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (83, Ere-menko st., Rostov-on-Don, 344015, Russian Federation). E-mail: mvarula@gmail.ru

PANDEMIC AND THE SYSTEM OF RESTRICTIVE MEASURES AS A FACTOR OF INJURY TO THE SOCIAL HEALTH OF THE POPULATION

Abstract

The purpose of this article is to analyze the socio-psychological impact of the pandemic and the introduced system of restrictive measures on traumatizing the social health of the population. Among the restrictive measures are considered: self-isolation; requirements for compliance with sanitary and epidemiological rules, which entailed certain forms of social stratification; social distancing requirements; transfer to a remote mode of operation. The authors conclude that the pandemic has seriously damaged the social health of many sections of the Russian population, exacerbating their inequality.

Keywords: social health, pandemic, system of restrictive measures, population, trauma, self-isolation, social distancing, stratification, remote work.

References

1. Degtyarev A.K. Sotsiokul'turnaya travma v formirovaniy rossiysskoy identichnosti // Gumanitarniy Yuga Rossii. 2013. №3. P. 26–35.
2. Yatsenko O.Yu. Pandemiya kak global'nyy vyzov: sotsial'no-ekonomicheskii i pravovoy tezaurus // Obrazovanie i pravo. 2020. №4. P. 504–507.
3. Volkov Yu.G., Kurbatov V.I. Sotsiologiya pandemii: otechestvennyye i zarubezhnyye stsenarii i trendy poslekoronavirusnogo mira // Gumanitarniy Yuga Rossii. 2020. T. 9 (42). № 2. P. 17–32.
4. Kulish V.V., Matveeva N.A. Sotsial'noe izmerenie zdorov'ya molodezhi: proektirovanie pokazateley kompleksnogo sotsiologicheskogo issledovaniya // Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem. 2017. T. 8. № 6. P. 89–102.
5. Zobov R.A., Kelas'ev V.N. Sotsial'noe zdorov'e i sotsializatsiya cheloveka. SPb., 2005. 166 p.
6. Troitskaya S.I. Zdorov'e cheloveka kak sotsiokul'turnyy fenomen (filosofsko-antropo-logicheskii aspekt): diss. ... kand. filos. nauk. SPb., 2004. 196 p.
7. Kolpina L.V. Sotsial'noe zdorov'e: opredelenie i mekhanizmy vliyaniya na obshchee zdorov'e: obzor literatury // Sinergiya. 2017. №2. P. 73–81.
8. Morev M.V. Ugrozy samodostatochnosti v kontekste rossiysskikh tendentsiy sotsial'nogo zdorov'ya // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. T. 5. №2. P. 20–38.
9. Syropyatova S.B., Allanina L.M. Pravovoe regulirovanie natsional'noy bezopasnosti i zhiznedeyatel'nosti v usloviyakh pandemii // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. 2020. № 2. T. 1. P. 139–147.
10. Nikolaeva E.D., Chedzhemov G.A. Kak sotsial'naya samoizolyatsiya v usloviyakh pandemii povliyaet na sostoyanie obshchestva // Skif. Voprosy studencheskoy nauki. 2020. №4 (44).
11. Gafiatulina N.Kh., Kas'yanov V.V., Samygin S.I. Sotsial'nyy immunitet rossiysskogo obshchestva v usloviyakh ugrozy koronavirusa: riski sotsiokul'turnoy travmatizatsii // Gumanitarniy Yuga Rossii. 2020. T. 9. № 2. P. 147–158.
12. Turkulets S.E., Turkulets A.V., Listopadova E.V., Sokol'skaya M.V. Sotsial'naya stigmatizatsiya v period pandemii // Sotsiodinamika. 2020. № 5. P. 11–25.
13. Gafiatulina N.Kh., Kas'yanov V.V., Samygin P.S., Samygin S.I. Rossiyskoe obshchestvo v usloviyakh samoizolyatsii. Sotsial'nye efekty i posledstviya pandemii COVID-19. Monografiya / Moskva, 2020.
14. Kas'yanov V.V., Vlasova V.N., Gafiatulina N.Kh. Pandemiya kak sotsial'naya tragediya dlya rossiysskogo naseleniya: obostrenie sistemy neravenstv // Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki. 2021. №1.
15. Loginova I.O. Osobennosti ustoychivosti zhiznennogo mira lyudey v period pandemii COVID-19 // Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva. 2020. №2 (52). P. 183–196.
16. Serdyuchenko Ya.V. Zhiznennyy mir molodoy sem'i: osobennosti formirovaniya i riski razrusheniya (na materialakh Rostovskoy oblasti). Avtoref. diss... kand. sots. nauk. Yuzhnyy federal'nyy universitet. Rostov-na-Donu, 2018. 38 p.
17. Vakula I.M., Zagutin D.S. Modeli deviantnogo povedeniya molodezhi i ego profilaktika: sotsial'no-pravovoy aspekt // Filosofiya prava. 2019. № 1 (88). P. 42–46.
18. Sokolovskaya I.E. Sotsial'no-psikhologicheskie faktory udovletvorennosti studentov v usloviyakh tsifrovizatsii obucheniya v period pandemii COVID-19 // Tsifrovaya sotsiologiya. 2020. T. 3. № 2. P. 46–54.
19. Mosolov S.N. Problemy psikhicheskogo zdorov'ya v usloviyakh pandemii COVID-19 // Zhurnal nevrologii i psikhiiatrii. 2020. T. 120. № 5. P. 7–15.
20. Vakula I.M., Zagutin D.S. Covremennyye vyzovy sotsializatsii molodezhi v kontekste natsional'noy bezopasnosti. M., 2018.
21. Horesh D., Brown A.D. COVID-19 response: Traumatic stress in the age of Covid-19: A call to close critical gaps and adapt to new realities // Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy. 2020. Vol. 12(4). P. 331–335.
22. Shakhbanova M.M., Kasyanov V.V., et al. (2019). The role of trust in the formation of ethnic tolerance and social health in the modern Russian society // Revista Inclusiones. 2019. T. 6. № 2. P. 296–305.